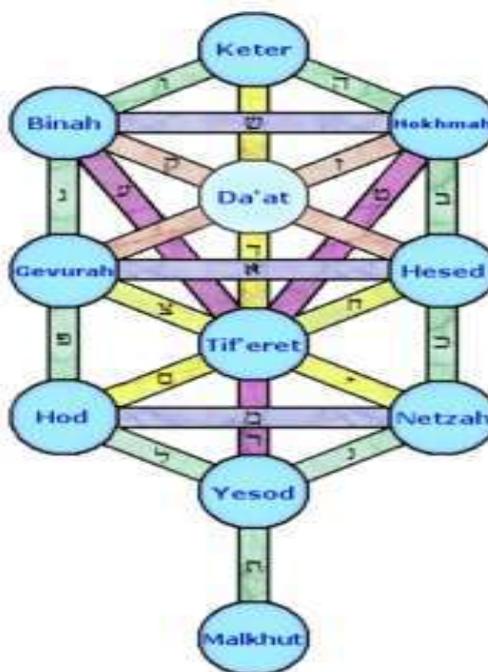

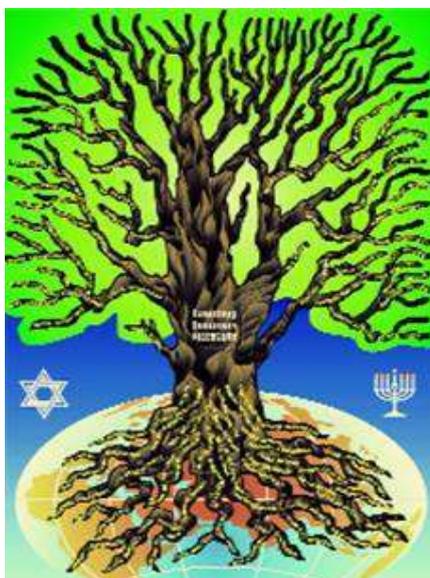
Размышления под сенью Синайского Древа

Кельтский символ древа жизни

Символ древа жизни в каббале

Символика – экономный способ коммуникации. – Такая логистика присуща всем языкам. У всех народов существуют схожие мифы и события. В данном сообщении коснёмся общего и частного отношения к генеалогическим деревьям.

Да, речь не пойдёт о Добре, Зле и бессмертии. Речь пойдёт о том, что находится между ними, и не в раю, а в наших житейских краях. И, даже, не в наших краях, а в моих собственных. И, даже не в краях, а в тени под деревом. А под деревом, да ещё в тени, мысли улетают далеко. И оттуда, издали, мысли безмолвно улыбаются, как будто долетели до чего-то родного.

28 октября 2004 года в Петербурге был дан старт новой программе "Честь и достоинство еврейской семьи". Центральное место в ней отведено Семье как творцу и хранителю традиций, как главному источнику

жизненной энергии нашего народа. Выше – эмблема этой программы.

А первые мыслишки явились как бы ниоткуда. И всё в вопросительной форме. Что и зачем пишу? Сочиняю ли, или живу тем, что сочиняю? Или сочиняю то, чем живу?

Но, ведь, чем только я не жил, благословляя то добро, то зло.

"И чегой-то я влюблённый такой" в российскую литературу и, вообще, в российскую культуру? Нет, не из-за Н. Рериха, по которому "литера" (латынь) – буква, "ура" (иврит) – свет, а культура, соответственно, – культ света. И не из-за А. Пушкина, который "наше всё". Может быть, из-за М. Лермонтова с его "Пророком" Йермияху? Но и у А. Пушкина свой "Пророк",

правда, другой прототип – Йешияһу. Во всём этом проявлялся мой интерес к психологии маргинального поведения. Как можно сослаться на иудейских пророков и, одновременно, сослать евреев куда подальше? А ещё, интерес к маргинальной культуре, сочетающей духовность с бездушием?

Маргинален ли я? Или маргинален человеческий бедлам?

Пророки не обращались к Пушкину, или к Лермонтову, чтобы разжечь их творчество. Их миссия была не столько в том, чтобы "жечь сердца глаголом", но, прежде всего, язвить души заблудших и, прежде всего, души заблудших евреев. В этом заключался хитрый замысел Всевышнего: назвать народ избранным. Избранным на отверженность в человеческой среде. Для примера остальным. Избранным для того, чтобы тащить невероятный груз ответственности и морали по дороге цивилизации и до её конца. Похоже, евреи были избраны на роль Иисуса Христа, взявшего на себя все грехи людские. Подумать только! С ума сойти! Всё запутано и концов не найдёшь. Где семиты? Где антисемиты? Где любовь? Где ненависть? Недаром отчаивался Адольф Гитлер: евреи виноваты в том, что подсунили цивилизации понятие совести. Всё по басне: виноваты только потому, что Гитлеру хотелось жрать.

А еврейская совесть, как червячок сомнений и поисков самоидентификации, исподтишка гложет душу. Душу человеческую, не гитлеровскую.

Библейские Заветы даны всем. Еврейский Бог ратовал за единство наций и религий в человеческом общежитии. Но при условии, что Бог един для всех. При условии, что у всех единые предки. Выполнимы ли эти условия?

Как же далёк я от иудейского наказа! Как дорога мне собственная, интимная кухня! "Как хороши, как свежи были розы!"

Каждый, будь то Иван, или Йоханан, ищет родство своё. Каждого манит сень его собственного генеалогического древа. Древо кровной памяти. Будь то семейные легенды, или песни бабушки. Будь-то дощатые сени, запирающиеся изнутри на железный крючок, или сень синайских шатров под звёздным небом.

Пути человека исповедуемы. Ещё в царское время из-за погромов семья прадеда рава Шломо Кацнельсона распалась. Двое из его детей уехали в Америку, одна дочка вышла замуж за австрийского еврея, трое, вместе с ним переехали из Могилёвской Губернии в Сибирь. Но и в Сибири было не спокойно. Революция, гражданская война, то "белые", то "красные", то перестрелки, то поборы. Жили в Каинске, в Барабинске. Один из сыновей прадеда, Вэля, стал крупным чиновником в райисполкоме, получил квартиру в престижном доме для партработников. По иронии судьбы, вместе с ним жил и раввин Шломо. Дочка Мария, выйдя замуж за Лифшица, профессионала-каллиграфа и, по совместительству, скорняка, с тремя детьми Моней, Цивой и Мосей, оказались в еврейском колхозе, неподалеку от Новосибирска. Все они стали самыми близкими мне родными. Мама Цива вышла замуж за Кирилла Келейникова, переехала в Новосибирск, а я своё раннее детство провёл в том самом колхозе, куда постоянно наведывались мои родители. Много-много лет спустя, в Израиле, я услышал эхо тех времён. Шломо Арци замечательно пел песню, которая была, как будто про меня: "В цветущем раю детства я был частью пейзажа... А теперь я там, всего лишь, гость".

Отец, весельчак с открытой душой, ещё до женитьбы, дважды получал жестокие уроки большевизма. В третий раз, когда мне было три с половиной года, чекисты увели его из дома навсегда. За анекдот про Сталина и Кирова, рассказанный им в компании.

В далёком 1959 году я впервые повидался с бабушкой, матерью моего отца. Наталья Петровна Кумакова (в девичестве Бек), пережившая мрачный большевизм и гибель сына в сталинских лагерях. Она оказалась худенькой, приветливой старушкой. Благословенна её память. Много рассказывала о прошлом своих предков, которые переселились в Россию через "прорубленное окно". Миграция... От комаров Вестфалии в петербургскую слякоть...

Потом Беки переселились в Москву. Они были близки со Столыпинными, а сама она с мужем, Иосифом Васильевичем Келейниковым, в летнее время общалась с семьёй Колчака под

**Наталья Келейникова (Кумакова)
с моим будущим отцом Кириллом
в парке Колчака**

**Мария Бек (Столыпина)
в Третьяковской Галерее
(художник П. Орлов)**

Петербургом. Там, пока их дети развлекались в парке, взрослые чаёвничали и обсуждали будущее России. (Как оказалось, очень даже смутное для них самих).

Через несколько лет, когда бабушки уже не было в живых, я, читая биографию М. Лермонтова, столкнулся со знакомыми фамилиями. Столкновение было неожиданным: я познакомился с историей Марии Аркадьевны Столыпина. Внучка адмирала Мордвинова, она же дочь сенатора А. А. Столыпина, она же племянница бабушки Лермонтова, Арсеньевой, в возрасте 17 лет вышла замуж за помещика и дипломата Ивана Алексеевича Бека. У неё родилось две дочери – Мария и Вера. Во втором браке с князем П. П. Вяземским (сыном друга А. Пушкина) родила ещё трёх детей. Около тридцати лет хозяйничала в поместье Остафьево, много путешествовала по Европе. Она, ещё до замужества была известна не только как салонная красавица. Она отличалась образованностью и любовью к искусству. Её портреты были написаны Брюлловым, Орловым, Гау, а теперь находятся в Третьяковской Галерее.

Что стало с дочерьми Марии Аркадьевны? Известно, что старшая (Мария Ивановна) вышла замуж за графа Ландсдорфа, а младшая – за князя Горчакова. На том Беки и закончились. А дальше – пробел... до Кумаковых. Пробел, в котором нет места моим еврейским притязаниям. То есть, притязанию оказаться на одной из аристократических русских ветвей.

Не слишком ли высоко я лез на вожделенное древо? Плодов Добра и Зла я отведал по глотку. Но мне достаточно было ранеток в соседнем дворе, а ещё куста ностальгической рябины в поэзии Цветаевой.

Прошлое покрывается радужной патиной. Советская реальность развеивает память о предках, как прах из крематория. Что мне осталось от отца? Живые письма из лагерей, шахматные фигуры со свинцовым основанием, чашка с блюдцем, галстук и запонки, костяной нож для разреза бумаги, серебряный портсигар с барельефом на крышке... А ещё листочек отрывного календаря с датой. 11 февраля 1936 года. Вторник. Тогда его увели чекисты. На

листочке отпечатано: "в 1829 г. в Тегеране был убит писатель А. Грибоедов" и ниже: "открылся второй Всесоюзный съезд колхозников-ударников".

Тогда мне было три с половиной года. Только через десять лет, когда сокамерник сообщил о его смерти, я начал знакомиться с отцом. Тогда я ещё не понял промелькнувшую строчку из его письма. Обращаясь к "любимой жёнушке Цивуше", он называл её Рахилью, родившей ему Иосифа. С этой-то Рахилью он прожил всего четыре года. Не Яков, а Кирилл. Русский человек. Из царских времён. Из библейских далей. Из пурги заполярной безысходности. Тогда я не задумывался о своём происхождении.

Знал ли Кирилл-Яков, что в христианстве Рахиль символизирует церковь, её сестра Лея – синагогу, а сын Рахили Иосиф – является прообразом Иисуса Христа?

Христианский бог, руками советской власти, не исковеркал душу отца, но загубил его тело. Души родителей остались во мне.

Много позже, уже в Израиле я написал об отце книгу, используя его письма из лагерей Коми АССР. "Снег во сне". Три главы назвал строчками из своего стихотворения:

**Ручьи отца от родников Яфета,
с верховий Шема мамины ручьи –
семейный рай на все четыре лета,
семейный рай... а рядом палачи.**

Последняя строчка растворилась в книге, как снег во сне. Но мёртвый снег я вижу наяву.

Сегодня, на склоне лет, когда блекнут краски, мне не хватает его опоры и поддержки. Не хватает и мамино тепла. Она покоится в Пардес-Хане, и часто появляется в моих сновидениях в разных образах и ситуациях. Но отец не появлялся никогда, даже в виде

**Царская и советская
Россия
в образе моего отца**

**Памятник жертвам Сталинских репрессий
на окраине города Ухта (Коми АССР)
Братская могила разных национальностей**

проявленных фотографий. Это не просвет в кроне райского Древа, а пробел в моей душе. Это пробел в российской культуре. Пробелы у нас общие, а отношения к ним разные.

Невозможно понять нацию, без её чёрных пробелов.

Об "опоре и поддержке" писал И. Тургенев. Но по другому адресу. Помните? – "...великий, могучий, правдивый и свободный русский язык". Язык иносказаний и анекдотов. А, ведь это он, русский язык с его крамольными анекдотами лишил моего отца свободы и жизни. Во мне ещё теплится смешливая улыбка отца. На фотографиях дореволюционных, первых советских лет, то в Одессе, то в Мариуполе, он, в белых, крахмальных рубашках,

прожигает свою юность. В конце двадцатых годов, уже в Новосибирске, он выглядит возмужавшим, но по-прежнему, щеголеватым и задорным. Он не видел, или не хотел замечать, что рядом с ним чекисты и доносчики. В нём ещё не выветрились медленные и насыщенные жизнью дореволюционные времена. Тогда, как и всегда, рафинированные аристократы, и благородные рыцари были тетеревами на току. Но он не был самовлюблённым. Перебирая фотографии его юности, я остро чувствую запах горелой ваты от сигарок. Вату он выщипывал из лагерных штанов, а в письмах оттуда просил прислать "табачок" и валенки... От баловства и шалостей до сигарок с травой и ватой, как от любви до ненависти – один шаг. Но, вот, ненавидеть он не умел. Он жил прошлым, согревавшим его в заснеженной тундре. Может быть, это от него у меня осталась способность различать светлые пятна во тьме, отстраняться от повседневных тревог и, хотя бы на пару минут уноситься далеко-далеко...

22 марта 1947 года в Ухте умер отец. Родившись 13 марта 1903 года, он умер сорокачетырёхлетним. Мне было 14 лет, когда я по-новому прочитал его письма, которые мама хранила в большом зелёном сундуке, обитом железными ромбиками. В письмах, среди прочего, было четыре его стихотворения. С тех пор я пытаюсь воссоздать его "образ и подобие". Тогда же начал писать сам. Сначала под Маяковского, потом с оглядкой на "серебряный век. Эта оглядка появилась благодаря старшему дяде, прочитавшего мне диалог "Поэта и Пера" М. Деларю: "Поэт: прочь от меня, охладитель докучный! Дум смелых исполнен, только возьмусь за тебя, ты мой удержишь полёт!" Перо: "гордо в крыле лебедином парило я прежде по небу, ты меня силы лишил. Тем же отмщаю тебе!". Но: перо в руках, думы свободны. Зачем мстить?

С тех пор спрашиваю свои строчки: чем я их писал? Душой или выдернутым у лебедя пером? А может быть, гордый лебедь подарил мне перо, и даже крыло для полётов в прошлое? И не спутал ли я лебедя с павлином? Разобраться в этом мне помогли "шестидесятники" Хрущёвской "оттепели". Личная моя "оттепель" началась в Израиле: жаркие суховеи с песком растопили застывшую историю. А ещё, – тепло простых людей и вражеские ракеты.

Дети патриарха Ноя, Шем и Яфет, так далеки друг от друга! И так близки! А я здесь причём? Но они мои предки. Нет я не упал с того Древа. Я просто сижу под ним. Кругом синайская жара и суета скарабеев. А я в тени. И ветерок будущего нежно подметает пыль прошлого. И как бы ни было плохо, мне хорошо. Диогену в бочке было тесно, да и тень Македонского затмевала ему солнце. Мне лучше, чем Диогену. Со мной рядом времена и люди. И мне неважно, откуда они появляются. Рядом или во мне? Не важно. Что ни происходит, всё к лучшему. Не важно и то, что Шем и Диоген из одной первичной колыбели цивилизации.

Не важно, что предок мой Авраам женился на своей сестре по отцу, а дочери его племянника Лота, напоив отца, переспали с ним и родили двух байстрюков на мою голову. Не важно, что за Мёртвым морем, в сизой дымке, стыдливые горы напоминают о грехах прошлого, горы, названные по имени одного из байстрюков: "горы Моава".

Неважно, или важно, однако прошлое напоминает о себе. Исламской угрозой веет с тех гор. Но нас разделяют минные поля. Угрозы потомков Хама витают в воздухе не только вокруг меня. Они, согласно замыслам Сатаны и Бога, ценой своей жизни пытаются вернуть нас в райский сад. Плоды познания Добра и Зла там вечно зрелые. Это мы не дозрели.

Теологи доказывают, что патриархальные пророки не только верно предсказывали события, но и их последовательность. Не проверял. Мне легче предположить, что их пророчества не имеют срока давности и относятся к каждому дню нашего существования. Во всяком случае, мрачные пророчества Йермияху и не менее мрачные, но сочувственные пророчества Йешияху легко соотносятся с тем, что происходит на обетованной земле. И с тем, что чувствую я.

Я не помню предысторию праотцов и праматерей. Но ветви моего древа, которых я касался руками и сердцем, не забываемы: могу ли я забыть самого себя, растворённого во всех?

Ветви моего дерева продолжают расти. У меня в Израиле первая жена Любовь Шулимовна (мы в разводе), сын, естественно, Кирилл, внучка Мики, внук Йони со своим сыном, в Америке внучка с двумя детьми. Со всеми остаётся родственная связь.

Растворённый во всех, значит, не только в кровных родственниках. – Товарищи, друзья, учителя, духовные наставники. Да, они не семена моего дерева, но их духовность во мне.

Среди них не только те, которых хранит благодарная память, но и тех, которые непосредственно участвовали в расширении моего душевного и духовного кругозора. Растворённый во всех? Или все, растворённые во мне? Смею надеяться, что и они существуют в моём личном генофонде.

Первая учительница Бронислава Витольдовна Захарова учила меня не только правописанию, но и человечности. Её горькая судьба жены солдафона маршала Захарова, находила сочувствие моей мамы, и их дружба сказывалась на мне.

Первая преподавательница психиатрии Зинаида Адольфовна Левина учила меня не только понимать душевные страдания, но и учила сочувствию. Она могла вытереть соплю у больного своим носовым платком и быть с ним внимательной собеседницей. Её уроки помогали чувственно понимать учебники психиатрии, и соответственно, понимать больных и здоровых.

Поэтесса, Елизавета Константиновна Стюарт, не только тепло отнеслась к моим стихам, но и поразила меня отрешённостью от советской фальши. “Мне любо мгновение это, когда утолиться спеша, в волненье другого поэта моя заглядится душа”. Мне, начинающему психиатру, стали откровением её стихи, перекликающиеся с другим поэтом, Маяковским. “Трибуну революции” тоже были свойственны душевные парадоксы: “видите спокоен как? Как пульс покойника”. А у Стюарт по-своему: “А вот теперь сразил покой – всё то, что пело, что болело, вдруг обернулось слепотой, и глухотой, и немотой, сковало душу мне и тело... А травы за окном растут, и дождь порой стучит о крышу, и с криком ласточки снуют... А я не вижу! Я не слышу!”. Это она помогала мне не только слышать дождь на крыше, но и заглядывать в души.

Ленинградский профессор Измаил Фёдорович Случевский учил не только современной психоневрологии, но и творческой независимости от формальных установок. Его искромётные споры с представителями Московской школы психиатров научили меня сопротивляться любым догмам, как в эстетике поведения, так и в научной деятельности.

Экстрасенс Вольф Григорьевич Мессинг, человек-легенда, в шестидесятые годы гостил у нас дома, а затем, переписывался со мной. Это он пробудил во мне размышления о скрытых резервах психики. Это он, возможно, предвидел мой интерес, когда с надеждой сказал: “ты молодой и любознательный, может быть тебе удастся заглянуть в тайны моих обременительных способностей”. “Ты человек с мудрым сердцем” – написал мне в 1964 году. С тех пор я пытаюсь умудриться. А до мудрости мне далеко.

Зав. Лаборатории по исследованию неординарных способностей человека Сибирского отделения Европейской Академии Естественных Наук, Сергей Владимирович Сперанский, знаток поэзии, учёный и эзотерик, мой друг и сотрудник, посвящая мне свою книгу, написал: “психиатру, поэту, прозаику, художнику, скульптору и автору самой интересной диссертации, которую когда-либо читал”. Его идея передачи мыслей и желаний на любые расстояния были подтверждены лабораторными исследованиями. Это друг, укрепивший во мне уверенность в том, что “то, что не может быть”, обязано иметь научное объяснение. Это добрейший человек, просветитель, потомок Российских интеллигентов, чудом уцелевший в советской душегубке.

Будучи в шестилетнем отказе, я познакомился и подружился с Феликсом Давидовичем Кочубиевским, известным отказником, который в своё время обратился в Обком с просьбой зарегистрировать “Ассоциацию дружбы народов СССР и Израиля”, а затем, распространил свою брошюру “Правовые основы выезда евреев из СССР”. На этих документах фигурировали все его паспортные данные, включая номер домашнего телефона. Наша компания часто собиралась у него дома. Смотрели слайды и читали письма и диссидентскую литературу из

Израиля. КэГЭБэшники следили за нами, зачастую, не скрываясь. Можно представить себе какое значение имели эти встречи для моего выбора места и цели репатриации.

Теперь, спустя сорок два года, мне уже нетрудно называть Израиль второй родиной: от Советского Союза я уже ушёл далеко. В этом немалую роль сыграла вторая жена, Хая Яковлевна Лонке-Цадиков. Она репатрировалась на десять лет раньше меня и её любовь к Израилю была заразительна.

Живя и работая в Пардес-Хане, я познакомился с преподавательницей литературы רותי פאין (Рути Файн), Её иврит завораживал сочностью и глубиной. Она редактировала мои стихи на иврите и хвалила их: “твои чуткие уши, понимающее сердце, богатая душа породили их” (перевод с иврита). Это она пробудила во мне не только любовь к ивриту с его тайнами и намёками, но и глубокий интерес к культуре своего народа.

А ещё в Израиле меня связывала творческая дружба с поэтессой Аллой Наумовной Айзеншарф. Одна из последних могикан прошлого века. Мастерница “вздохов”, как она называла свои короткие, проникновенные стихи. Она обсуждала их со мной, и, в свою очередь, обсуждала мои. Её посвящения много для меня значат. Светлая ей память.

Приятельские отношения с известным лингвистом Барухом (Борисом Семёновичем) Подольским обогатили меня не только ивритом и сионизмом, но и душевно-духовной теплотой. И ему светлая память.

Лет десять назад я познакомился с профессором теоретической физики Львом Моисеевичем Прейгерманом. Знакомство, смею предполагать, переросло в дружеские отношения. Меня подкупила его эрудиция не только в области квантовой физики, но и способность связывать свои знания с философией, религией, социологией, а также и с медициной. Его миролюбивый характер не находит противоречий между физикой и лирикой. Во всяком случае, его отношение ко мне это подтверждает. Под его влиянием легче, свободнее и задорнее думать.

Щепотка добрых слов в отношениях дороже дюн золотого песка. На золотом песке не растут деревья, кусты, отростки, листики, и, даже, придорожная пыльная трава. Конечно, были и такие, которые отрицательно относились к моему научному эпатажу и хулиганству. Я высоко ценил их знания и эрудицию, но их замечания удручали меня. Зато впоследствии и до сих пор, я остаюсь сердечно благодарен им.

Доктор философии, культуролог, публицист, Лев Леонидович Штуден (Новосибирск). Доктор философии, социальный психолог и психиатр, Виктор Маркович Гольденберг (Нью-Йорк). Мой дядя, доктор политэкономии и широкий эрудит, Соломон Григорьевич Лифшиц (Новосибирск – Беер-Шева).

И много-много других. Они были моими вытрезвителями при научных запоях.

Комплименты и критика хороши, но обязывают: необходимо их оправдывать. Как же это тяжело! В жизни мне далеко не всегда и не во всём везло. Уйма времени утекла впустую. Но капли времени, в которых растворены мои восприятия, навсегда остались во мне. Капли, насыщенные одиночеством и плодотворными встречами. Они, как удобрения для саженцев, придавали вкус жизни. Это они ждали от меня своё продолжение. Дождутся ли? Жизнь продолжается. После меня? – Пусть не будет Потопа.

А Дерево, пусть будет вечнозелёным и плодоносным. И пусть плоды помнят о корнях.

Да, в жизни всё перепутано и всё связано в один тугой узел кровосмешений, событий и впечатлений. И сама жизнь невысказана без смерти. Из этого узла невозможно вытащить любимый кончик: он тянет за собой свою отвратительную противоположность. Нет худа без добра, но и добра нет без худа.

Как притягателен этот мир с его радужной суматохой обретений и утрат! Как пропитан он искорками радости и слёз! Чего стоит жизнь без её смертельного содержания?

